

Лавровский Леонид Михайлович 95.

Безмолвный монолог Паганини

Мариинский театр. — 1995. — № 8-9. — С. 7

В Большом театре отпраздновали 90-летие со дня рождения Леонида Михайловича Лавровского, возглавлявшего балетную труппу около двадцати лет (1944-1964). К этому юбилею Большой подготовил специальную программу, включающую “Классическую симфонию” Прокофьева, “Вальпургиеву ночь” из оперы “Фауст” Гуно и “Паганини” на музыку “Рапсодии на темы Паганини” Рахманинова в хореографии Лавровского. Творения мэтра (в соответствии с названиями) возобновили и исполнили: директриса Московской государственной академии хореографии Софья Головкина и ее подопечные, Вячеслав Гордеев и его детище — “Русский балет”, Владимир Васильев и труппа Большого. К сожалению, сочинения Лавровского на музыку Прокофьева и Гуно показались весьма бледными и не вызвали никакого энтузиазма. Но виной тому не столько хореография, сколько исполнители, которым, не имея хорошей школы, не удалось показать красоту и строгий стиль “Классической симфонии”, а в “Вальпургиевой ночи” не было ни томления, ни необузданных эмоций, ни дикого неистовства. Японец Мориюки Ивата (Пан), словно цирковой акробат, демонстрировал свои фирменные трюки. А Елене Тумановой (Вакханка) не удалось даже приблизиться к тем высотам, что были достигнуты знаменитыми предшественниками. Гораздо больше повезло балету “Паганини”, эксгумированная эстетика которого, на мой взгляд, напрочь устарела и мало соответствует запросам современного зрителя. Блистательный романтический танцовщик Владимир Деревянко (Паганини) сумел оживить этот спек-

такль, несмотря на вялую поддержку со стороны оркестра (дирижер — Александр Ведерников, соло на фортепиано — Дина Парахина). Во втором составе в этой партии выступил молодой, перспективный артист Николай Цискаридзе, у которого есть абсолютно все данные, чтобы стать танцовщиком мирового класса. В спектакле он предстал юношей, пылким, нежным, страдающим. Собрать же вариации в нечто целостное ему пока не удалось.

Партия Паганини, первоначально (1960 год) рассчитанная на деми-характерного танцовщика Ярослава Сеха, впоследствии была переделана Владимиром Васильевым, насыщена и усложнена более виртуозным классическим танцем. Образ демонического скрипача идеально соответствует природе танцовщика и актера Владимира Деревянко (небольшой биографический штрих: Деревянко учился игре на скрипке). Он четко “произносит” танцевальные фразы, захватывает и дьявольской виртуозностью в экспрессивных хореографических пассажах, и своим проникновенным безмолвием в моменты божественного озарения. В нем Бог и Дьявол. Он привносит на сцену свой мир, который постичь дано далеко не всем. Творчество для Владимира Деревянко — вещь глубоко интимная и выстраданная, единственное, чем жил и живет сегодня этот танцовщик. Именно поэтому показанный балет превратился в спектакль одного актера, в нескончаемый монолог Паганини...

Александр ФИРЕР